

под стражу или иного лишения личной свободы, производство следственных действий в отношении такого лица осуществляются в порядке, предусмотренном УПК. По смыслу данной нормы, взятой в отдельности, иное лишение личной свободы разработчики гл. 49 УПК относят к мерам пресечения, но не отождествляют с заключением под стражу, оставляя вопрос о его сути открытым. Такая неоднозначность и противоречивость в вопросе установления гарантий для отдельных категорий лиц от необоснованного применения мер принуждения не может вызывать одобрения. Считаем, законодателью следует отказаться от нормативного использования конструкции «иной образ лишения свободы» и конкретно определить с названием и видом мер принуждения, от необоснованного применения которых он готов создать дополнительные гарантии для лиц, указанных в гл. 49 УПК. В целом гл. 49 УПК нуждается в системном совершенствовании составляющих ее положений.

УДК 343.1

А.А. Козьявин

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕНДЕЦИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Уголовное судопроизводство как социальная система неминуемо предполагает принятие социально эффективных, властных, воздействующих на личную волю решений для гармонизации нарушенных общественных отношений. Такое социальное воздействие в рамках принятия уголовно-процессуальных решений есть по существу деятельность управленческая, для научной характеристики которой в философии еще со времен Аристотеля используется понятие «политика», олицетворяя искусство управления.

В уголовном процессе политическое начало выражено в том, что, как и в случае с уголовной политикой борьбы с преступностью, политический режим общества задает цели и задачи уголовно-процессуальной деятельности, а также в том, что их реализация связана с принятием решений, в рамках которых по внутреннему убеждению оценивается широкий круг социально значимых обстоятельств – от доказательств и их юридического качества до факторов, обусловивших совершение преступления. На его принятие также оказывают влияние множество социальных факторов – мораль, правовая идеология, социальные запросы, общественное мнение и т. д.

Не претендуя на истину в последней инстанции, но проанализировав новации в сфере уголовно-процессуального права и практику его применения в последние годы, полагаем возможным сформулировать новейшие тенденции уголовно-процессуальной политики.

1. В России продолжается реформирование уголовно-процессуального права без изменений в организационной структуре, пронизывающей сам уголовный процесс. В целом фундаментальной проблемой действующего УПК РФ остается его сущностная эклектичность: в нем плохо уживаются общие демократические параметры уголовно-процессуальной формы и советская организационная структура, обусловленная давно сложившимися управленческими отношениями в сфере раскрытия преступлений, расследования и рассмотрения уголовных дел. Более того, как показала реформа порядка проверки законности и обоснованности судебных решений, данная тенденция только упрочняется в российской законотворческой политике: введение всеобщей апелляции не сопровождалось ни изменениями в судебной системе, ни в кадровом обеспечении судов, ставших новыми апелляционными инстанциями, в самой процессуальной форме были заложены нормы, направленные на консервацию постсоветской организации процессуальной деятельности (деление решений на промежуточные и итоговые, допрос свидетелей в судебном заседании по усмотрению суда, возможность отмены решений с возвращением дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции и прокурору и т. д.). Полагаем, реформу досудебного производства, включая возможное введение следственных судей, с учетом содержания предлагаемых концепций ждет та же судьба.

2. За последние 15 лет резко усилилась формализация уголовного судопроизводства, возникла тенденция его стандартизации в части правоприменения норм, регламентирующих доказывание и принятие процессуальных решений. У данной тенденции имеются две независимые причины: процессуальная и бюрократическая. Первая – институт исключения доказательств как недопустимых ввиду процессуальных нарушений, который существенно повысил усилия адвокатов-защитников, которые, объективно не обладая содержательными полномочиями в сфере уголовно-процессуального доказывания, всю активность перенесли на формальные требования к доказательствам. Это вызвало «защитную реакцию» со стороны следственной практики и «надзорную реакцию» со стороны органов прокуратуры, которые также сосредоточили внимание на формально-юридических, а не содержательных требованиях. Вторая причина обусловлена новыми техническими возможностями подготовки процессуальных документов, копирования электронных документов, их частей, создания шаблонов, быстрого получения и электронной обработки разнородной статистической информации, в результате чего формализация и статистическая отчетность были признаны в правовых кругах «главнейшим злом» современной следственной и судебной практики.

3. Дифференциация уголовно-процессуальной формы, изначально присутствовавшая в УПК РФ, стала все более бессистемно изменять свои критерии. Так, сегодня можно смело говорить о формировании предметных особенностей производства по уголовным делам. Яркий пример – дела о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности, в которой как раз актуальна введенная в УПК преюдиция решений арбитражных судов, уже есть особенности применения заключения под стражу в качестве меры пресечения, свои особенности проверки сообщения о преступлении и возбуждения уголовного дела (в части налоговых преступлений и преступлений в кредитно-финансовой сфере), свое основание для прекращения уголовного дела.

4. Происходит постепенное и далеко не бесспорное сближение административной, полицейской, оперативно-розыскной деятельности и уголовно-процессуального доказывания, которое стало возможно в связи с расширением с 2013 г. познавательных возможностей доследственной проверки, закреплением правил о допустимости в качестве доказательств данных, полученных непроцессуальным путем в ходе проверки. Представляется, развитием этой тенденции может стать ликвидация стадии возбуждения уголовного дела, хотя многие ученые понимают, что реальная причина проблемы находится не в теории доказательств, не в нормативных конструкциях закона, а в принимаемых процессуальных решениях, причем в конце предварительного расследования, а именно в институте прекращения уголовного дела, который в силу уже упомянутых «отчетно-показательных» причин почти не применяется.

5. Последняя тенденция уголовно-процессуальной политики, которую можно идентифицировать сегодня, является особенной, ибо в ней переплетаются, пожалуй, все традиционные социальные противоречия современной России: роль личности в политике,

роль фундаментальных идеологических и нравственных ценностей и роль общественно-резонансных событий. Так, легко увидеть, как менялись отдельные нормы уголовно-процессуального закона в зависимости от того, доминировал ли в политике мотив Президента России 2008 – 2012 гг. Д.А. Медведева «Перестаньте «кошмарить» бизнес» или мотив действующего Президента России В.В. Путина «О социальной ответственности бизнеса». Именно под воздействием первого из них стала формироваться дифференцированная форма производства по уголовным делам предпринимательской направленности, которая затем под воздействием второго мотива претерпела несколько обратных новаций. Однако выступление Президента России в 2016 г. на Всероссийском совещании судей, предложившего судьям участвовать в формировании в стране благоприятных условий для предпринимательства, позволяет прогнозировать новый разворот в процессуальной политике.

Аналогично проявляет себя и роль ценностей, заложником которой стал Конституционный суд России в определении политического приоритета между конституционными положениями «состязательность и несвойственные функции суда» (определяло логику его решений в 1993–2003 гг.) и «независимость суда и подчинение его только закону, а не позиции сторон», которое превалирует последние 13 лет и спровоцировало фактическое восстановление советского института возвращения дел из суда для дополнительного расследования, а также изменение ключевых для уголовного судопроизводства правил о повороте к худшему, причем ни с чем не ограниченным акцентом на инициативу суда.

Наконец, роль общественно-резонансных событий в процессуальной политике стойко формируют сегодня новую формулу обоснования процессуальных решений в части применения мер пресечения: неосторожные преступления + их техногенность + общественный резонанс = заключение под стражу.

В целом же представляется крайне проблематичным говорить о стройной уголовно-процессуальной политике. Она как явление, безусловно, существует, но в условиях противоречий и бессистемности ее формирования и реализации, а также отторжения части демократических параметров уголовно-процессуальной формы, изначально присутствовавших в Концепции судебной реформы в РСФСР 1991 г. и УПК РФ образца 2002 г.

УДК 343.1

О.В. Колесникова

ОБЪЯСНЕНИЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь закрепляет получение объяснений в качестве одного из процессуальных способов собирания доказательств на стадии возбуждения уголовного дела (ст. 103, 173). В то же время термин «объяснение» используется в УПК и в других значениях и на разных стадиях уголовного процесса, что не может быть признано правильным в тексте нормативного правового акта.

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 103 УПК собирание доказательств производится путем проведения следственных и других процессуальных действий в процессе разрешения заявлений и сообщений о преступлении, ускоренного производства, дознания, предварительного следствия и судебного разбирательства. Поскольку на других стадиях уголовного процесса собирание доказательств не осуществляется, применительно к ним использование термина «объяснение» представляется неверным.

Наряду с объяснением законодатель использует в УПК такие понятия, как «разъяснение» и «пояснение», что, с одной стороны, предполагает их смысловое отличие. Это предположение подтверждается одновременным употреблением данных терминов в тексте одной нормы, что имеет место в ч. 11 ст. 385 УПК, ч. 1 ст. 237 УПК.

С другой стороны, если обратиться к значению рассматриваемых понятий, то объяснение толкуется как разъяснение, помогающее понять что-нибудь, в котором возникает необходимость при наличии чего-то непонятого или неизвестного; разъяснение означает внесение ясности во что-либо; пояснение трактуют как поясняющее замечание, объяснение. Очевидно, что эти понятия являются синонимами. Более того, некоторые статьи УПК используют эти термины именно в данном качестве. Так, в соответствии с п. 5 ч. 1 ст. 229 УПК при назначении и проведении экспертизы подозреваемый, обвиняемый, их законные представители и защитник имеют право присутствовать с разрешения следователя, лица, производящего дознание, при проведении экспертизы и давать объяснения эксперту. В то же время согласно ч. 1 ст. 236 УПК после проведения исследования с учетом его результатов эксперт от своего имени составляет заключение, в котором помимо прочего должно быть указано, кто присутствовал при проведении экспертизы и какие давал пояснения. Очевидно, что термины «объяснения» и «пояснения» в данном случае используются в одном значении, что также представляется неправильным.

Для обеспечения однозначного понимания рассматриваемых терминов важно разграничить их смысловые оттенки. Так, необходимость объяснить (получить объяснение) возникает при наличии чего-либо непонятого или неизвестного (тема, предмет, точка зрения и т. д.). В уголовно-процессуальной сфере это касается любых обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения материалов и уголовного дела, и предполагает передачу заинтересованным субъектам всей имеющейся у объясняющего лица информации (в ходе получения объяснений или показаний соответственно). В данном значении термин «объяснение» использован в ст. 173, 427, 428, 452 УПК.

В других случаях предмет объяснения в УПК ограничен, например, обстоятельствами заявленного отвода (ст. 80 УПК) или нарушения обязательств (ст. 134 УПК), причинами отказа подписать протокол следственного действия (ст. 194 УПК) и т. д. Аналогичным образом используется и термин «пояснение» – с указанием круга вопросов, по которым оно дается, например по предъявленному иску (ст. 53, 55 УПК), по поводу выполняемых действий (ст. 62 УПК), жалоб на действия и решения органа, ведущего уголовный процесс (ст. 140 УПК) и т. д. Пояснить – означает истолковать, т. е. повторно объяснить, добавить что-либо к предшествующему объяснению, причем не обязательно по всем обстоятельствам, изложенным в первоначальном объяснении, при необходимости – с большей степенью детализации некоторых из них. В такой интерпретации объяснение является более широким понятием по сравнению с пояснением, которое представляет собой комментарий к уже сказанному и касается частных. Таким образом, в рассмотренных выше случаях видится правильным использование термина «пояснение».